

СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПРОШЛЫХ ВЕКОВ

М.С. Арсанукаева

КРОВНАЯ МЕСТЬ И ПРИМИРЕНИЕ ПО АДАТАМ ЧЕЧЕНЦЕВ (XIX — начало XXI в.)

В последние десятилетия отмечается повышенный интерес со стороны отечественных и зарубежных исследователей к обычаю кровной мести, веками существовавшему в горских обществах Северного Кавказа. Объясняется это прежде всего возрастанием численности кровников в ряде республик. В первую очередь в Чечне, где проходили активные военные действия, за время которых погибло много мирных жителей, включая стариков, женщин и детей, отмечались массовые разрушения. На определенном этапе Чеченская республика оказалась вне правового поля Российской Федерации. Образовавшуюся лакуну заполнили нормы адата и шариата. Большую роль в примирении кровников стали играть традиционные медиативные практики (чеч. *маслагат*), исторически обеспечивавшие стабильность, мир и согласие как внутри местных обществ, так и между ними.

Объектом нашего небольшого исследования являются обычай кровной мести и связанная с ним примирительная практика в прошлом и настоящем. Выбор чеченских адатов в качестве предмета исследования объясняется многими факторами, прежде всего их устойчивостью и реанимацией в последние десятилетия, что связано с военными кампаниями, прошедшими в Чечне, ее временным выходом из российского правового поля.

Автором изучены нормативные правовые акты, судебная практика, архивные документы и литература разных исторических периодов.

В «Объяснительной записке к проекту преобразования военно-народных управлений на Кавказе», представленной для ознакомления Александру III в январе 1885 г., сообщалось: «Более внимательное изучение быта горских обществ показало... что они (горцы. — *А. М.*) управляются своими особыми обычаями (адатами), хотя не писанными и не облеченными силою закона, но тем не менее всеми уважаемыми и для всех обязательными» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 950. Л. 4 об.]. По указанию правительства обычаи горцев Кавказа собирались и систематизировались на всем протяжении нахождения их в составе российского государства, что следует признать мудрым шагом.

Исторически адаты кавказских горцев, в том числе чеченцев, отличающихся консерватизмом, регулируют многие стороны общественных отношений. В недавние времена фактически любой неурегулированный конфликт и даже спор мог перерасти в кровную месть. Принцип талиона — «кровь за кровь» — действовал во всех горских обществах Кавказа. Вместе с тем кровная месть не является чисто местной особенностью, так как сохраняется в наши дни у народов разных регионов мира не только как традиция, но и часто на бытовом уровне.

В отечественной науке принято считать, что кровная месть — пережиток родоплеменных отношений [Нанаева, Умаров 2011: 43–46; Мальцев 2012: 11]. Однако, как представляется, требуются новые подходы к анализу причин живучести этого обычая, оценке последствий, связанных с ним, и способам преодоления в современных условиях.

Адаты кавказских горцев разрешали убить 1) каждому своего кровного врага; 2) насилующего, нападающего из засады, грабителя и объявленного врагом общества; 3) хозяину дома или поля — вора, пойманного на месте преступления; 4) мужу, отцу, сыну и брату — застигнутого в прелюбодеянии с женою, дочерью или сестрою; 5) уличенных в мужеложестве; 6) похитителя женщины. В отдельных случаях признавалась вина женщин, малолетних, сумасшедших, безумных, владельцев животных, причинивших кому-либо смерть или вред здоровью [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 950. Л. 5 об.].

Право и одновременно обязанность преследовать убийцу или примириться с ним адаты предоставляли прежде всего ближайшим родственникам убитого, а при их отсутствии — членам всей большой фамилии, рода (тейпа). За незамужнюю женщину-убийцу ответственность несли ее ближайшие кровные родственники (отец, брат), а за замужнюю — муж и сыновья (редко — родственники мужа) [Берже 1991: 119]. Невыполнение долга кровомщения всегда вызывало «укоры, насмешки и явное неуважение» со стороны окружающих [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 950. Лл. 8 об. — 9]. Случалось, мстили кунаки, аталыки, названные и молочные братья [Арсанукаева 2009: 152].

Обязанность по возмещению крови мужчин семьи иногда брали на себя горские женщины. Известен случай, когда по приказу наиба Шамиля посадили в яму женщину, отомстившую за смерть мужа [Вердеревский 1856: 86]. Горянки принимали участие в действиях против русских войск. Так, чеченка Таймасха Малова, взятая в плен в 1842 г., была представлена Николаю I и его супруге [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 372. Л. 7 об., 10 об.].

В то же время исключалась месть внутри тухума, рода, фамилии или одной семьи [Ковалевский 1890: 18–19].

Смерть любого из сородичей горцами рассматривалась как большая утрата и обязывала к мщению не только перед лицом живых, но и мертвых. Вместе с тем, как указывалось, поощрялось примирение, в особенности с принятием ислама (Коран. 42:40). Отношение к кровной мести как к обязанности со временем изменилось также в силу других причин. Родственники убитого, как пишет В. П. Пожидаев, стремились, во-первых, «восстановить нарушенное равновесие от потери здорового, трудоспособного работника», во-вторых, добиться «публичного взыскания тяжелого и разорительного штрафа за кровь убитого и унижения его родственников» и, в-третьих, «дать суровый и поучительный урок всяким другим» [Пожидаев 1926: 100].

С вхождением народов Северного Кавказа в состав России и введением новых судов для горцев виновное лицо стало нести личную ответственность за противоправные деяния. Все тяжкие уголовные правонарушения составили подсудность военных и других судов, наказывались по российским законам [Арсанука-

ева 2013: 52–58]. За умышленные убийства, сопряженные с кровной мстью, как правило, назначалась ссылка в Сибирь с примечанием «навсегда» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 950. Л. 16 об. — 17]. Кроме того, горцы отправлялись в крепости и тюрьмы. Известным местом ссылки стал остров Чечень¹.

В 1859 г. завершилась война на Северо-Восточном Кавказе. 15 октября 1860 г. в крепости Грозной объявляется прокламация, составленная наместником на Кавказе князем А. И. Барятинским, адресованная чеченскому народу. В ней указывалось: «Обычай кровомщения (канлы) как противный народному благосостоянию уничтожается, а убийцы будут судимы и наказываемы по русским законам» [РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1965. Л. 344]. И тем не менее убийства на почве кровной мести сохранялись. Виновный, даже отбыв наказание по приговору «русского» суда, и его родственники не могли быть защищены от мести пострадавшей стороны, пока не достигали примирения. В упомянутой «Объяснительной записке» читаем: «По существу своему адатное разбирательство есть разбирательство примирительное, приводящее к полюбовному соглашению» [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 950. Л. 4 об. — 6 об.]. Ф. И. Леонтович отмечал, что суд по адату у чеченцев был посредническим, или маслагатным [Леонтович 1883: 94].

Процедура примирения представляла собой сложный и многоэтапный процесс с участием большого количества субъектов. Хотя эта традиция имеет особенности в правовых культурах горских народов, но общие черты все же налицо. В первую очередь лицо, застигнутое на месте преступления или подозреваемое в убийстве (канлы), не дожидаясь приговора третьей стороны, немедленно удалялось из поселения вместе с семьей [Пашков 2016: 98]. Дом канлы нередко разрушался. В 30-х годах XIX в. такая практика отменяется по инициативе Шамиля [Халифаева 2011: 155; Магомедсалихов 2008].

По обычаю, канлы мог безнаказанно преследоваться кровниками [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 950. Л. 9]. Фактически он попадал в осадное положение из-за угрозы мести, и такое положение мог-

¹ Чечень — остров в северо-западной части Каспийского моря, самый крупный из островов архипелага Чечень.

ло продолжаться десятки лет. С. И. Брановский сообщает: «Чтоб противная сторона, с коей убийца драться не хочет, не могла его узнать, тот обертывает себе лицо башлаком и всем встречающимся дает дорогу» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 10. Л. 9.]. В знак раскаяния кровник не брился и не стриг ногти до достижения примирения.

Месть переходила из поколения в поколение, истребляя самых сильных и достойных [Леонтович 1883: 152]. У. Лаудаев писал: «Кровь (ц1и)... распространялась на всю фамилию; с умножением фамильных членов на “гар”, а затем — на одно семейство» [Лаудаев 1872: 90]. Укрывательство канлы преследовалось. Канлы могли убить в любом месте, кроме мечети, в присутствии суда и начальства, на общественной сходке. В ауле, куда канлы переселялся, будучи гостем, он мог рассчитывать на защиту не только со стороны хозяина дома, но и всех жителей [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 950. Л. 9].

Особую роль в акте примирения играли горские женщины. Если при поединке или групповой стычке женщина снимала платок (чеч. *кортли*) и обращалась с призывом остановиться, участники обязывались подчиниться и убрать оружие [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 10. Л. 8 об.].

Родственники канлы соблюдали особый обряд по покойному. Размер выкупа устанавливался в зависимости от тяжести совершенного правонарушения, знатности и богатства «фамилии» убитого, обиженного или обидчика, наличия сильных покровителей [РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 950. Л. 9–9 об.]. Выкуп за убитого в Чечне составлял 650 руб. и раскладывался на десять поколений виновной фамилии, превращаясь в тяжкое бремя [Харузин 1888: 119, 139].

При согласии пострадавшей стороны на примирение в установленный день канлы и его родственники, собравшись в условленном месте, двигались к дому убитого. Процессию возглавляли старейшины, представители местного духовенства, почетные люди. Позади, склонив голову, закрытую капюшоном или просто прикрытую, шел сам канлы. Духовное лицо или другой уважаемый член местного общества, обращаясь к сторонам, убеждал их в богоугодности маслагата и предлагал закончить конфликт примирением.

Отказ от примирения осуждался обществом. Маслагатное соглашение исполнялось немедленно. Как указывалось, без соблюдения процедуры маслагата или равного возмездия не мог разрешиться ни один конфликт, связанный с убийством [Халифаева 2011: 159]. Лицо, недовольное примирением, могло обратиться в суд. В случае рассмотрения дела третьей стороной для обеспечения исполнения его решения до начала разбирательства тяжущиеся давали расписки о согласии с ним [Грабовский 1870: 19].

По другому обряду, канлы губами прикасался к обнаженной груди матери убитого или любой пожилой женщины пострадавшего рода (фамилии). После чего объявлялся членом семьи убитого и заменял последнего, выполняя все его обязанности. Примирение, таким образом, достигалось посредством молочного родства [Харузин 1888: 79, 99–100; Грабовский 1876: 79].

По обычаю, при мирном разрешении любого конфликта горцы устраивали угощение пострадавшей стороне за счет виновного. Для этого забивали скот в количестве, зависящем от материального положения виновной стороны и социального статуса убитого [Грабовский 1876: 88; Пфафф 1871: 262]. Это действие имело сакральный характер. Его значение состояло в том, чтобы умиротворить как живых, так и мертвых.

В начале XX в. действовали примирительные суды для разрешения конфликтов, возникавших между горцами, в том числе чеченцами, казаками и русскими переселенцами, которые способствовали нормализации национальных отношений, спокойствию и безопасности в Терской области [Арсанукаева. 2014: 30].

В первые годы советской власти и в период Гражданской войны борьба с кровной местью активизировалась. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. кровная месть отнесена к преступлениям, составляющим пережитки родового быта. Статья 194 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. предусматривала штраф в случае принятия от убийцы или его семьи денежного выкупа за убитого. Статья 195 вводила ответственность за уклонение от примирения и противодействие примирению с убийцей и его родом. Постановлением ВЦИК СНК РСФСР от 5 ноября 1928 г. «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести» пред-

усматривалось создание примирительных комиссий, организация работы таких комиссий, примирительного производства в целом.

В 1927 г. в Чечне создается примирительная комиссия. В первый же год только в Шалинском и Урус-Мартановском округах было рассмотрено 80 дел [Берсанова 2011: 53]. Однако работа комиссий не принесла ожидаемых результатов [Жупикова].

Не сохранилось точных сведений о существовании кровной мести в период депортации чеченцев в 1944–1957 гг. После восстановления Чечено-Ингушской АССР по инициативе местных органов и населения создается республиканская примирительная комиссия [Албогачиева 2011: 44]. В 1960-х годах советское законодательство ужесточает ответственность за кровную месть. Согласно ст. 231 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., уклонение родственников убитого от отказа применения кровной мести, осуществляемого в порядке, установленном положением о примирительном производстве по делам о кровной мести, наказывалось ссылкой на срок до двух лет или высылкой на срок до трех лет. По Уголовному кодексу Российской Федерации, за убийство по мотиву кровной мести виновное лицо наказывается лишением свободы на определенный срок, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью (п. 1 ч. 2. ст. 105).

Благодаря мерам, принятым в 1970–1980-х годах, проблема кровной мести в Чечне утратила прежние масштабы. Однако в 1990-х годах необходимость примирения кровников значительно возросла в связи с военными действиями [Мацур 2007: 21.04]. Впервые за последние десятилетия стали отмечаться факты убийства по политическим мотивам и мести против группы лиц [Шерматова 2003: 8–14.04]. Все это поставило задачу активизировать процесс примирения кровников, создав специальные комиссии. Такая попытка предпринимается в 2002 г. А.-Х. Султыговым, спецпредставителем Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской республике. Однако существенных успехов достичь не удалось из-за большого количества кровников и сложных условий послевоенного периода. В 2005 г. президент республики А. Д. Алханов издал указ о создании комиссии для решения вопросов по преодолению кровной

вражды [Читигов 2007: 05.03]. В 2007 г. по инициативе Народного собрания начала работу комиссия «Примирение» [Абубакаров 2007]. Задачей комиссии стало создание условий для примирения сторон, находящихся в состоянии кровной вражды.

В отдельные периоды в состоянии кровной мести в Чечне находилось до 500 семей [Кровная месть у вайнахов 2013]. Работа велась совместно с местными администрациями, правоохранительными органами и духовными лицами. В республике действовала группа старейшин, духовных лиц и уважаемых людей, специально занимавшихся примирением кровников [Хизриева 2008].

Указом Р. Кадырова от 27 августа 2010 г. создается комиссия по национальному примирению. Только за один 2014 г. удалось примирить тысячу кровников [Кровная месть у вайнахов 2013]. Однако проблема до конца не решена.

Таким образом, обычай кровной мести продолжает приносить свою кровавую жатву и на определенном этапе создал серьезную опасность полного уничтожения чеченского народа. С ним ведут борьбу все ветви власти (исполнительная, законодательная, судебная) на каждом уровне управления и общественность республики. Особую роль в миротворческом процессе продолжают играть примирительные практики, позволяющие достичь мира и согласия как внутри чеченского социума, так и в отношениях с соседними народами.

В целом народы Северного Кавказа, включая чеченцев, в противовес кровной мести сформировали эффективные механизмы примирения, обеспечивающие стабильное возобновление поколений, их преемственность и возможность развития в будущем. Изучение данной темы требует комплексного подхода, научной объективности и взвешенных оценок.

Источники

- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Ф. 400. Оп. 1. Д. 950.
РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 372.
РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 10.
РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1965.

Библиография

Абубакаров С. В Чечне начала работать комиссия по примирению кровников. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/108978/> (дата обращения: 14.02.2017).

Албогачиева М. Примирительные комиссии в Ингушетии: история и современность // Вестник восстановительной юстиции. 2011. № 8. С. 40–50.

Арсанукаева М. С. Наказание горцев Северного Кавказа по законам Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 6 (38). С. 52–58.

Арсанукаева М. С. Общественные суды в Терской области и их роль в нормализации межнациональных отношений (начало XX в.) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 26–30.

Арсанукаева М. С. Правовая культура чеченцев и ингушей (XIX — начало XX вв.). М.: РПА Минюста России, 2009.

Берже А. П. Чечня и чеченцы. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1991.

Берсанова З. Обычай кровной мести и практика примирения у чеченцев // Вестник восстановительной юстиции. 2011. № 8. С. 50–56.

Вердеревский Е. А. Плен у Шамиля. СПб.: в тип. Королева и комп., 1856.

Грабовский Н. Ф. Ингуши // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис: тип. Глав. управл. Наместника Кавказского, 1876. С. 1–111.

Грабовский Н. Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах: в 10 вып. Вып. 4. Тифлис: тип. Глав. управл. наместника Кавказского, 1870. Вып. 4. С. 1–72.

Жуникова Е. К вопросу о разоружении Чечни в 1920–1925 годах. URL: http://scepsis.net/library/id_1063.html (дата обращения: 14.02.2017).

Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе: В 2 т. М.: тип. А. И. Мамонтова, 1890. Т. 1.

Кровная месть у вайнахов. URL: <http://nohchalla.com/chechenskaya-etika/1630-krovnaya-mest-uvajnakhov.html> (дата обращения: 14.02.2017).

Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 6. Тифлис: Тип. Глав. управл. Наместника Кавказского, 1872.

Леонтович Ф. И. Адааты кавказских горцев: В 2 вып. Вып. 2. Одесса: тип. П. А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1883.

Магомедсалихов Х. Г. Маслаат — самобытная форма разрешения конфликта // Вопросы истории. 2008. № 6. URL: <http://www.bogoslov.ru/biblio/text/322109/index.html> (дата обращения: 14.02.2017).

Мальцев Г.В. Кровная месть: уроки прошлого и современность. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/11/03/krovnaya-mest-uroki-proshlogo-i-sovremennost-ii.html> (дата обращения: 15.02.2017).

Мацур М. Примирят всех // Российская газета. 2007. 21 апр.

Нанеева Б.М., Умаров У.М. Кровная месть как институт социально-правового регулирования родовых отношений // Теория и практика общественного развития. 2011. Вып. 7. С. 43–46.

Паиков Р.В. Хрестоматия по истории государства и права Чечни. М.: РУСАЙНС, 2016.

Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа: ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы: Краткий историко-этнографический очерк. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.

Пфафф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе [под ред. Н. Зейдлица]. Т. 1. Тифлис: тип. Глав. управл. Наместника Кавказского, 1871. С. 177–220.

Халифаева А.К. История государства и права Дагестана: Учеб. пос. Махачкала: б.и, 2011.

Харузин Н. Н. Записки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М.: б. и., 1888. С. 115–142.

Хизриева Г. Примирение — маслахат как чеченский обычай. URL: <http://www.islamrf.ru/news/faith/teology/5349> (дата обращения: 14.02.2017).

Читигов Х. Дипломатия на крови. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/03/m69224.htm> (дата обращения: 14.02.2017).

Шерматова Санобар. Вендетта работает на войну // Московские новости № 13. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/ch99/200304/030408mn3.htm> (дата обращения: 14.02.2017).